

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИИ (II)

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Алексеев Роман Андреевич

- e-mail: alekseev.r555@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной
политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Бычкова Нина Сергеевна

- e-mail: nsbychkova@mail.ru;
специалист по учебно-методической работе факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Ежов Дмитрий Александрович

- e-mail: president@lenta.ru;
кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

Емельянова Наталья Николаевна

- e-mail: nemelyanova86@mail.ru;
кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры
сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Осипова Наталья Александровна

- e-mail: 080862@bk.ru;
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Актуальные вопросы политической компаративистики в России (II) / А. В. Абрамов, Р. А. Алексеев, Н. С. Бычкова, Д. А. Ежов, Н. Н. Емельянова, Н. А. Осипова // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.11.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Вступительное слово (А. В. Абрамов)

Кросскультурные и кросснациональные исследования в парадигмах современности (Н. Н. Емельянова)

Сравнительно-исторический метод в политической компаративистике (А. В. Абрамов)

Электоральное цунами – 2024: выборы в зеркале политической компаративистики (Д. А. Ежов)

Сравнение межгосударственной политики КНР, Индии и США в сфере здравоохранения (Н. С. Бычкова)

Конституционные реформы политических систем Молдовы и Украины: сравнительный анализ (Р. А. Алексеев)

Группы давления в России и на Украине: вопросы классификации (Н. А. Осипова)

Заключительное слово (А. В. Абрамов)

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить дискуссионные проблемы современной сравнительной политологии и презентовать научному сообществу мини-исследования по некоторым из дискуссионных вопросов политической компаративистики.

Процедура и методы. В ходе продолжения круглого стола (начало опубликовано в №3 2024 г.), состоявшегося в Московском универси-

тете при поддержке Российского социально-гуманитарного журнала, были обсуждены актуальные вопросы методологии политической компаративистики (возможности цивилизационной парадигмы при проведении кросскультурных и кросснациональных политологических исследований, применение в политической компаративистике сравнительно-исторического метода), а также представлены результаты сравнительного анализа современных политических институтов и процессов в некоторых странах дальнего и ближнего зарубежья.

Результаты. Установлено, что наиболее перспективными для сравнительной политологии являются использование цивилизационного подхода как методологии компаративистики, а также применение качественных методов научного исследования. Наибольший интерес для сравнительного анализа представляют выборы 2024 г. в странах Европы, межгосударственная политика Китая, США и Индии в области здравоохранения, а также политические процессы и институты в постсоветских странах.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть интересны учёным-политологам, специализирующимся в области политической компаративистики, теории и методологии, исследования международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сравнительная политология, компаративные исследования, цивилизационный подход, сравнительно-исторический метод, выборы, межгосударственная политика в здравоохранении, постсоветские страны, лоббизм

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

В продолжении публикации размышлений об актуальных проблемах политической компаративистики¹ мы сконцентрируем своё внимание на двух аспектах.

Во-первых, как и в прошлый раз, необходимо уделить внимание методологии сравнительных исследований. Здесь ключевыми проблемами, которые нам предстоит обсудить, являются возможность и эффективность применения цивилизационно-культурного подхода в политической компаративистике. Какие возможности и проблемы создаёт применение такой методологии? Другой вопрос – возможность и перспективность

¹ Начало см.: [4].

использования заимствованного в исторической науке сравнительно-исторического метода для анализа политических явлений и процессов.

Во-вторых, пользуясь возможностью, представим вниманию читателя результаты изучения отдельных актуальных кейсов, не нашедших в силу своей незавершённости фундаментального осмысления: выборы 2024 г. в странах Запада («электоральное цунами»), межгосударственное взаимодействие крупных стран в области здравоохранения, а также сравнение конституционных процессов и института лоббизма в постсоветских странах.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Емельянова Н. Н.

Перед непосредственным обращением к парадигмам современности следует остановиться на концептуальном понимании категории «культура», её соотношении с такими понятиями, как «цивилизация» и «цивилизационная идентичность».

Культура – это не только универсум артефактов, но и, если говорить метафорично, особые невидимые нити общества, которые сшивают, объединяют социальный организм, скрепляют его поливариативность. Цивилизация, в свою очередь, представляет собой более объёмное понятие, которое интегрирует в себя множество локальных культур, объединяя их под эгидой доминантной культуры. Таким образом, понятия «цивилизация» и «культура» взаимосвязаны, но не тождественны [9].

Конечно, мы можем исследовать различные культурные идентичности, локальные культурные идентичности в сравнительной перспективе. Но такого рода исследования будут иметь продуктивное значение в антропологическом плане, а не в политологическом.

В политологическом измерении нас интересует сравнительная национально-цивилизационная перспектива. Конечно, в западной политологии категория «нация» и категория «цивилизация» разделены. Однако стоит ли отказываться от сопряжения этих категорий? Возможно ли существование нации без обращения к цивилизационной идентичности или её поиску: без осознания ценностного каркаса, способного цементировать общество, формировать в нём минимальный консенсус,

стабилизировать его развитие, задавать параметры разговора внутри нации-цивилизации на одном ценностном языке? Положительные ответы на эти вопросы дают государству инструменты для того, чтобы выстраивать мосты идентичности для будущих поколений.

Далее. Если в методологическом плане мы задаём национально-цивилизационные координаты сравнительным кросс-культурным и кросснациональным исследованиям, резонно возникает вопрос о том, как стоит оценивать государства и цивилизации с точки зрения развития – корректно ли вообще использовать при их оценке категории лучшего или худшего, передового или отстающего развития? С точки зрения одно-векторных теорий модернизационного развития (К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Алмонд, Д. Пауэлл, Д. Эптер, С. Айзенштадт и др.), где есть только один универсальный путь общественно-политического развития, такие универсальные шкалы оценивания возможны. Ведь в одновекторных теориях задаются универсальные категории политического порядка, общественно-политического устройства, социально-экономического и технологического развития.

Но с позиций парадигмы множественности современностей (Й. Фабиан, Т. Асад, Р. Пребиш, А. Г. Франк, И. Валлерстайн и др.) определяющее значение имеет степень преемственности социального и социокультурного опыта, который обеспечивает прочность невидимых нитей общества. Поэтому единственным водоразделом в развитии государства является не переход от менее развитого к более развитому состоянию, а частичная утрата или полная потеря этой преемственности, что в конечном счёте может привести к потере социокультурной и, шире, цивилизационной идентичности. При этом важно отметить, что в парадигме множественности современностей параметры технологического развития не исчезают полностью [20]. Итак, каким же образом можно сравнивать государства в национально-цивилизационных координатах? Поскольку, как было отмечено выше, государство опирается на ценностный каркас в целях достижения минимального общественного консенсуса, по основным ценностным параметрам этого каркаса в триаде Человек-Общество-Государство и стоит проводить сопоставительные исследования, учитывая не только контекст тех или иных ценностей, но и их иерархическое многообразие и трактовки. К примеру, счастье, свобода, успех или обществен-

ное благо могут абсолютно по-разному истолковываться в различных ценностно-цивилизационных парадигмах.

В разрезе «Человек» к соответствующим ценностям можно относить такие ценности, как воспитание, семья, религия, моральные принципы, дружба, любовь, уважение, доверие, успех и др. В категории «Общество» наиболее распространёнными для сравнения ценностями могут быть ответственность, права, обязанности, правовое регулирование, основные принципы социальной иерархии и др. И, наконец, в случае с категорией «Государства» таковыми ценностями могут быть власть, принципы управления, идеалы государственного устройства, государственный контроль, порядок, безопасность, развитие и др. Все ценности этой триады, как известно, взаимовлияют и взаимообуславливают друг друга. На корректном сравнении и понимании этих ценностей в различных национально-цивилизационных трактовках можно выстраивать продуктивные отношения равноправного межгосударственного диалога и партнёрства.

Национально-цивилизационная перспектива кросскультурных и кросснациональных исследований задаёт необходимые основания для человека в поисках смысла, «которого так ждёт современность, чтобы выйти из тупиков технической цивилизации» [6, с. 153]. Более того, уход от технологических характеристик развития государства в определении цивилизованности даёт нам возможность не только сопоставительного ценностно-культурного анализа, но и рассмотрения существующих в настоящее время цивилизационных идентичностей как особых интеграционных платформ, которые предлагают собственное видение, сценарии и варианты ответов на вопросы о глобальном будущем.

Важно отметить, что дискуссии относительно возможности одного сценария современности по типу технологической цивилизации универсализирующего стандартизирующего формата и множественности современностей, ориентированной на уважение и поощрение многообразия различных сценариев развития, лежат на двух противоположных полюсах. Но если принять то условие, что современные государства, ориентированные на сохранение национально-цивилизационной идентичности, параллельно работают и над технологическим развитием, как было отмечено ранее, то получается, что в определённой степени эти государства уже пошли по пути поиска

золотой середины между тотальной унификацией и предельной дифференциацией.

В похожем методологическом ключе размышляет в своих исследованиях японский политолог мирового уровня, главный редактор «Азиатского журнала сравнительной политологии» Инугоги Такаси, обозначая в качестве стратегической задачи современной сравнительной политологии не поиск границ между западной и незападной школами исследований, а стремление гармонизировать стандартизирующий и дифференцирующий подходы [31].

В завершение выступления мне бы хотелось ещё раз кратко, тезисно обозначить основные рассуждения, которые были мной представлены.

Во-первых, национально-цивилизационные координаты для сравнительных кросскультурных и кросснациональных исследований дают возможность анализировать ценностные каркасы и ценностные языки, благодаря которым в государстве формируется минимальный общественный консенсус.

Во-вторых, такая исследовательская парадигма позволяет уходить от оценок развития государств исключительно с позиций лучшего или худшего, передового или отстающего развития.

В-третьих, одна из ключевых задач современных сравнительных исследований в области политологии может быть обозначена как поиск баланса между тотальной унификацией и стандартизацией и предельной дифференциацией.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Абрамов А. В.

В политической компаративистике используются не только кросс-национальные (межстрановые), но и кросс-темпоральные (межвременные) приёмы анализа. Наиболее известным среди них является сравнительно-исторический метод.

Специфика сравнительно-исторического метода заключается в том, что в его структуру включён не только пространственный (один или несколько случаев), но и временной аспект исследования. Иначе говоря, изучается не какое-либо одно состояние объекта, а те видоизменения, которые он претерпевает за

время своего развития. Таким образом, приём «является сравнительным методом, так как основан на сравнении нескольких родственных фактов или ряда этапов развития одного и того же явления. Эти два элемента сравнительно-исторического метода взаимосвязаны. Задачей метода и является нахождение сходства и различия в различных состояниях объекта или у родственных объектов» [17, с. 107].

Движение объектов во времени значительно усложняет саму процедуру сравнения, поскольку, как отмечает нидерландский компаративист П. Мэйр, «страны с течением времени изменяются, и поэтому в дополнение к головоломкам о вариантах межгосударственных различий учёным необходимо иметь в виду временные различия, когда страна *A* периода *X* может заметно отличаться от страны *A* периода *Y* подобно тому, как страна *A* отличается от страны *B* одного и того же периода *X*» [18, с. 321].

Сравнительно-исторический метод базируется на двух основаниях: во-первых, на принципе историзма, предписывающем рассматривать феномены в динамике, в закономерном историческом развитии и связи с конкретно-историческими условиями среды. Во-вторых, на использовании аналогии – умозаключения, в котором на основе сходства объектов по каким-то одним параметрам делается вывод об их подобии и по другим параметрам. Формула аналогии выглядит так: если объект *A* имеет признаки *a, b, c, d*, а объект *B* имеет признаки *a, b, c*, то, скорее всего, объекту *B* присущ и признак *d*.

Аналогия позволяет установить тождество (подобие) объектов. С учётом того, что важнейшими характеристиками объектов служат прежде всего их форма и содержание, явления могут быть признаны тождественными (их содержание и форма совпадают), скорее тождественными (содержание изучаемых случаев совпадает, но формы различаются), скорее нетождественными (формы одинаковы, но содержание явлений различно) и совершенно нетождественными (и формы, и содержание явлений не совпадают). Если отбросить первый вариант (никогда в человеческой истории не было двух абсолютно похожих событий) и последний (два не совпадающих ни в чём случая невозможно сравнить), при организации сравнительно-исторических исследований мы заключаем, что имеем дело с частично подобными друг другу политическими феноменами.

Частичное подобие одних сравниваемых случаев другим обусловлено тем обстоятельством, что сопоставляемые кейсы – исторические события, процессы или явления – могут быть охарактеризованы, с одной стороны, как случаи общие и периодически происходящие, а с другой стороны, – как события уникальные и в полной мере никогда не повторяющиеся.

Указанное обстоятельство породило в общественной науке дискуссию о *цели сравнительно-исторического исследования*: служит ли оно выявлению общего или единичного в событиях?

Своими корнями данный спор уходит в XIX в., в спор позитивистов и антипозитивистов. Первые (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) провозгласили своей целью создание новой социальной науки, которая бы базировалась на эмпирических данных и потому была бы подобна точным и естественным знаниям. Позитивисты видели в сравнении прошедших событий подобие научно-технического эксперимента. С помощью сравнительного изучения истории, полагали они, можно получить универсальные выводы о характере общественных процессов. Иначе говоря, выявленные в ходе сравнения повторяющиеся связи между феноменами будут свидетельствовать о наличии у всех обществ единых закономерностей и этапов развития.

Сторонником такого мнения, что «историко-сравнительный метод более заботится об установлении сходства, чем о выделении черт различия» [13, с. 13], являлся и российский историк, социолог и правовед М. М. Ковалевский. В специально посвящённой компаративному анализу работе «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права» М. М. Ковалевский приходил к заключению, что «задача сравнительного метода в том смысле, в каком мы понимаем его, сводится к тому, чтобы, выделив в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения, дать тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития» [12, с. 19].

Сравнительно-исторические исследования привели к выводу об общих закономерностях социального развития человечества и родоначальников антропологии Ф. Клемма, Э. Тайлора, Л. Моргана, Дж. Фрэзера. Однако если умозаключения позитивистов носили преимущественно абстрактный характер, то антропологи, опираясь на тщательное сопоставление деталей быта, религиозных верований и культурных практик разных

народов, создавали предельно конкретную картину социально-культурной эволюции человечества. Под влиянием идей эволюционизма оказались и марксисты. Так, Ф. Энгельс, во многом опираясь на выводы антропологов и широко применяя сравнительно-исторический подход, изложил своё универалистское видение истории первобытного общества в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [27].

Иной точки зрения на цель сравнительно-исторического исследования придерживались историки Д. Герхард и Д. Элтон, полагавшие, что сравнительный анализ выделяет единичное. Исследователи отстаивали эмпиризм, описательность и скептически относились к обобщениям в истории.

Отрицали продуктивность применения сравнения для поиска общих закономерностей и философы-неокантианцы. Так, по мнению В. Виндельбанда, все науки следует разделить на номотетические (законоустанавливающие) и идеографические (описательные). Первые – это науки о природе, вторые – об истории. «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях, первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было». Таким образом, попытки позитивистов выявить с помощью сравнения универсальные закономерности развития общества, по мнению В. Виндельбанда, – это старание «сделать из истории естествознание», что привело к «двум-трём тривиальным обобщениям, которые допустимы только при добросовестной оговорке об их многочисленных исключениях». Мнение В. Виндельбанда разделял и другой неокантианец, Г. Риккерт. Позитивистская наука, основанная на сравнении, полагал он, не может заменить истории, поскольку в поисках универсальных законов развития обществ «насиловственно связывает в мертвящую общность» то, что обладает жизнеспособностью только как раздельное [10, с. 90–91].

Разные точки зрения по поводу цели сравнения (выявление общего или единичного) демонстрировали не только сторонники и противники позитивизма, но даже приверженцы одного локально-исторического, или цивилизационного подхода. Так, родоначальник направления Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» выражал сомнение в наличии единых и универсальных для всех обществ законов развития. По мнению мыслителя, с помощью сравнения можно выявить лишь национальную специфику экономической, политической и социо-

культурной жизни разных народов. «Теоретическая политика или экономия так же невозможна, как невозможна теоретическая физиология или анатомия, – писал Н. Я. Данилевский, – Все эти науки и вообще все науки, за исключением трёх вышеупомянутых, могут быть только сравнительными... Все явления общественного мира суть явления национальные, и как таковые только и могут быть изучаемы и рассматриваемы. Они, конечно, могут и должны быть сравниваемы между собою, и из такого сравнения могут проистекать правила для более или менее обширной группы политических обществ, но никогда политическое или экономическое явление, замечаемое у одного народа и там уместное и благодетельное, не может считаться уже по одному этому уместным и благодетельным – у другого» [8, с. 160].

Несколько иначе смотрел на проблему автор многотомного труда «Постижение истории» А. Тойнби. Выделив на основании определённых критериев 21 цивилизацию, историк пришёл к заключению о сходных этапах их генезиса: рост, надлом, разложение. «Если провести эмпирическое исследование фактов человеческой жизни, отражённых в истории цивилизации, – заключал А. Тойнби, – то обнаружится регулярность и повторяемость их, что открывает возможность использовать для анализа сравнительный метод» [21, с. 95].

Цель сравнения как поиска общего или индивидуального послужила основой для выделения двух типов *сравнительно-исторических исследований*: сравнительно-генетического и сравнительно-типологического.

Суть *сравнительно-генетических исследований* заключается в установлении генезиса (греч. *genesis* – происхождение, становление) изучаемых событий – определении их происхождения, этапов (стадий) формирования. Широкое применение сравнительно-генетический метод нашёл в лингвистике. Сопоставляя современные языки, принадлежащие одной языковой группе, филологи предпринимают попытки реконструировать «праязык», лежавший в основе современных родственных наречий. Довольно эффективно применял сравнительно-генетический метод российский филолог и историк академик А. А. Шахматов. Сравнивая различные варианты («списки») «Повести временных лет», исследователь сделал вывод о существовании нескольких этапов и источников формирования древнейшей русской летописи.

Сторонники *сравнительно-типологических* исследований, концентрируя внимание на различиях сравниваемых явлений, с одной стороны, и их сходствах, с другой, стремятся объединить анализируемые явления в группы – типологизировать их.

Сопоставление событий, расположенных в пространственно-временном континууме, предполагает реализацию одной из двух стратегий проведения сравнительно-исторического исследования: синхронной или диахронной.

Синхронное сравнение предусматривает параллельное рассмотрение событий, происходящих одномоментно в различных пространственных зонах. При таком сравнении фактор времени определяется как одинаково действующий на изучаемые явления и процессы и потому не имеющий большого значения.

С *диахронным* (разновременным) сравнением всё намного сложнее. Оно предполагает исследование одного или нескольких случаев в их развитии, выделение в этом развитии этапов, фаз, эпох с целью установления тенденций или закономерностей в протекающих процессах.

Профессор Московского университета И. Д. Ковальченко выделял три основных варианта применения диахронного сравнения. Первый выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частота разных событий, длительность пауз между ними и т. д. Такой вариант анализа является простейшим, дающим представление преимущественно о внешних характеристиках процесса. Второй вариант диахронного анализа направлен на раскрытие внутреннего временного строения процесса. Выделяются качественно определённые стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нём подсистемы. Как отмечал И. Д. Ковальченко, это наиболее широко распространённый вариант диахронного исследования. Наконец, третий вариант диахронного анализа заключается «в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема... Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. Вершиной такого анализа является построение динамических моделей исторических систем» [14, с. 192–193].

В современных трудах по политической компаративистике можно найти множество примеров синхронного сравнения и единичные случаи диахронного. К числу последних следует от-

нести работу Б. Мура «Социальные корни диктатуры и демократии», результирующей частью которой стало выделение различных моделей модернизации, и книгу Т. Скочпол «Государства и социальные революции», в которой сопоставлялись три великих революции (французская, русская и китайская) с целью установления общих тенденций разворачивания революционных событий.

Другой способ организации сравнительно-исторического исследования предложил в своей книге «Большие структуры, большие процессы и громадные сравнения» американский историк и политолог Ч. Тилли. На основе сочетаний разного числа наблюдаемых случаев и их форм исследователь выделил четыре типа сравнений [37].

Индивидуализирующее сравнение позволяет выявить уникальность, неповторимость какого-либо события. Произошедший случай выступает только в одной, определённой форме. Наличие других случаев лишь подчёркивает, оттеняет особенность произошедшего события. Так, среди многочисленных составов английского парламента условия и обстоятельства созыва первого собрания в 1265 г. делают его уникальным, ни на что не похожим.

Универсализирующее сравнение используется в том случае, когда рассматриваются разные исторические события, являющиеся воплощением одной сущности. Такие сравнения использует, например, В. О. Ключевский, характеризуя в «Курсе русской истории» первых московских князей. «Московские великие князья являются в этих (исторических. — А. А.) памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семёна, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий... Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а, скорее, манекенами...» [11, с. 47].

Сравнение, выявляющее вариации, предполагает сопоставление событий с целью демонстрации множественности их форм. В отличие от универсализирующих сравнений, внимание исследователя сосредоточено здесь не на общих чертах

случаев, а на их существенных отличиях, обусловленных теми формами, в которых эти случаи выступают. Например, сравнительный анализ войн во многом определяется тем, являются ли сопоставляемые конфликты гражданскими или межгосударственными, захватническими или освободительными, морскими или сухопутными и т. п.

Наконец, *охватывающее сравнение* направлено на выявление множественности форм в составе одного события или одной системы. При таком сравнении сходство явлений объясняется принадлежностью их к одной системе (целому), а различие – той функциональной нагрузкой, которую они в системе выполняют. Иллюстрацией охватывающего сравнения может послужить сопоставление функций министерств, действующих в рамках одного правительства.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ЦУНАМИ – 2024: ВЫБОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Ежов Д. А.

По состоянию на начало 2024 г. было запланировано проведение выборов в 64 странах мира, при этом общий процент избирателей, который потенциально мог принять в них участие, суммарно соответствовал количеству, сопоставимому с половиной населения планеты. Наличие национальных особенностей протекания электоральных процессов в совокупности с признанием определяющего значения результатов голосования как отправной точки для определения вектора политических изменений делают актуальным обращение к анализу соответствующих событий с позиций политической компаративистики, в особенности с учётом общеполитического фона проведения избирательных кампаний в государствах, лидеры которых определяют направление развития мировой политики.

Несмотря на кажущееся значительным внимание к президентским выборам в Российской Федерации (март 2024 г.) и в США (ноябрь 2024 г.), представляется некорректным нивелировать значение других избирательных кампаний, среди которых заметно выделяются состоявшиеся в период с 6 по 9 июня выборы в Европарламент, парламентские и президентские выборы в европейских государствах, выборы на территории отдельных государств постсоветского пространства. Результаты выборов в России и США, тем не менее, становятся темой для

дискуссии, в том числе по причине принципиальной разницы между двумя державами в вопросе видения контуров формируемого нового мирового порядка. Симптоматичным представляется контраст предвыборного фона в указанных государствах. Так, относительная стабильность ситуации в России в условиях президентской избирательной кампании на фоне роста доверия к главе государства В. В. Путину и мобилизации вокруг его фигуры в условиях СВО заметно контрастирует с внутривнутриполитическими проблемами в США, характеризовавшими ход кампании. В частности, они проявились в ставшей беспрецедентной замене кандидата от Демократической партии Дж. Байдена на К. Харрис, а также в серии покушений на кандидата от Республиканской партии Д. Трампа.

Состоявшиеся в июне 2024 г. выборы в Европарламент ознаменовали «правый поворот» в европейской политике, практически выраженный в усилении влияния правых и ультраправых сил, что стало фактическим ответом на политику, реализуемую на уровне Европейского союза, подчинённую конъюнктурным соображениям, но не отвечающую интересам входящих в его состав государств. Политическое значение итогов выборов в Европарламент заключается в фактической утрате полного контроля со стороны системных политических сил в лице христианских демократов, социалистов и правоцентристской «Европейской народной партии», несмотря на их совокупное численное доминирование. С исследовательской точки зрения, оценка результатов выборов в Европарламент открывает перспективы для сравнительного изучения партийно-политического ландшафта в европейских государствах в контексте его трансформации.

В указанном контексте наибольший интерес представляют прошедшие в апреле 2024 г. парламентские выборы в Хорватии, в июне 2024 г. – в Бельгии, в сентябре 2024 г. – в Австрии и Чехии, а также назначенные в июне 2024 г. внеочередные выборы в Национальное Собрание Франции. Внеочередные парламентские выборы во Франции следует рассматривать в качестве непосредственного отголоска «правого поворота» и результатов выборов в Европарламент, а его непосредственные результаты выразились в увеличении политического влияния правых и ультраправых сил, в некоторой степени ограничить которое стало возможно сугубо технологическим путём. Так, значительно усилила свои позиции партия «Национальное объ-

единение», которая вместе со своим союзником в лице Союза крайне правых получила 142 мандата. С точки зрения оценки трансформации национального партийно-политического ландшафта примечателен факт увеличения представительства правых во французском парламенте на 53 мандата в сравнении с результатами очередных выборов, прошедших двумя годами ранее, в то время как пропрезидентские силы заметно снизили свой потенциал. Так, политическая коалиция «Вместе за Республику!», включающая в себя партии «Возрождение», «Демократическое движение», «Горизонты», «Союз демократов и независимых» и «Радикальная партия», по итогам распределения мандатов получила всего лишь 159 мест, т. е. меньше на 89 мест, чем в предыдущем созыве Национального Собрания. Параллельно отмечается заметное усиление левых политических сил – так, избирательный блок «Новый народный фронт», созданный в противовес пропрезидентской коалиции и ультраправым, получил 180 мест, став фактическим лидером предвыборной гонки.

В целом результаты выборов в Национальное Собрание Франции отражают электоральные настроения, в структуре которых доминирующее положение занимают симпатии к оппозиционным политическим силам. Похожие тенденции характерны и для парламентских выборов, прошедших в 2024 г. в других европейских государствах. Так, на всеобщих выборах в Бельгии ожидаемо лидировали правые фламандские партии «Новый фламандский альянс» и «Вламс беланг» («Фламандский интерес»); Австрия стала одной из европейских стран, где ультраправые в лице Партии Свободы одержали победу, опередив правящую партию; выборы в Сенат Чехии выиграла известная своей евроскептической позицией популистская партия ANO А. Бабиша, ранее продемонстрировавшая уверенный результат по итогам региональных выборов. В случае же с Хорватией, несмотря на лидерство «Хорватского демократического содружества» во главе с прозападным премьер-министром А. Пленковичем, следует констатировать снижение уровня его поддержки на фоне улучшения позиций сил, выступающих в том числе и за умеренное сближение с Россией – в частности, Социал-демократической партии президента Хорватии З. Милановича.

Что касается выборов, запланированных к проведению на территории постсоветского пространства, отдельные из них

также отличаются высокой степенью поляризации и конфликтности. Столкновение прозападных и умеренных позиций по отношению к взаимодействию с Россией в наибольшей степени фиксируется в ходе кампаний по выборам в однопалатный парламент Грузии и президента Молдавии (оба события запланированы на октябрь 2024 г.²), что даёт основания для их рассмотрения в общем контексте, содержание которого сводится к определению траектории дальнейшего развития в существующих политических реалиях. Так, характерной чертой кампании по выборам в парламент Грузии стало противостояние лидера партии «Грузинская мечта», премьер-министра И. Кобахидзе и президента Грузии С. Зурабишвили по вопросу закона об иностранных агентах. В ходе выборов в Молдавии на фоне гонений на оппозицию инициирован референдум о вступлении страны в Европейский союз, что свидетельствует об усилении прозападного влияния на фоне существенного отрыва действующего президента М. Санду, занимающей откровенно проевропейскую позицию.

При учёте совокупности схожих и различных черт, характеризующих ход предвыборных кампаний и результаты голосования на выборах в государствах мира в 2024 г., констатируется повышенный уровень поляризации и конфликтности, в большинстве случаев ведущий к трансформации партийно-политического ландшафта и созданию внутриполитического дисбаланса, отражающего вектор изменения электоральных настроений и желание перемен, а также социальный запрос на содержательную коррекцию политического курса в прагматическом русле в поддержку национальных интересов. Исключением из упомянутых примеров является Российская Федерация, что объясняется фактором устойчивости системы перед давлением извне на фоне внешних обстоятельств.

СРАВНЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КНР, ИНДИИ И США В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Бычкова Н. С.

В XXI в. вопросы, связанные со здравоохранением, стали неотъемлемой частью межгосударственных отношений. Если в более ранние периоды взаимодействие в медицинской сфере осуществлялось преимущественно представителями про-

² Дата актуальна на момент проведения круглого стола (прим. ред.).

фессионального сообщества: врачами, научными работниками, – то со второй половины прошлого столетия особое внимание вопросам здравоохранения стали уделять и дипломаты, поскольку данная сфера стала восприниматься через призму «мягкой силы» государства. Кроме того, эксперты стали обращать внимание на социальные, экономические и политические последствия, порождаемые кризисами в области здравоохранения.

Соединённые Штаты Америки – традиционный лидер в области развития медицинской дипломатии, который привык действовать в глобальном масштабе.

Современная стратегия США в области здравоохранения преследует три цели: защиту и укрепление здоровья американских граждан, обеспечение международного лидерства в медицинской сфере, продвижение интересов государства в обозначенной области³. Исходя из этих целей, выстраивается дальнейшая политика Вашингтона в сфере охраны здоровья.

Основные направления международного сотрудничества США в сфере здравоохранения включают профилактику, обнаружение и реагирование на угрозы инфекционных заболеваний⁴.

Соединённые Штаты используют разнообразные формы и механизмы для развития межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения. Среди них обмен информацией, трансфер технологий, сотрудничество в области науки и образования, финансовая поддержка медицинских программ и инициатив. Зачастую американские программы выходят за пределы сферы здравоохранения, поскольку на состояние здоровья влияют, в том числе, социальные детерминанты – условия, в которых живут и работают люди⁵.

В апреле 2024 г. администрацией президента США Дж. Байдена была опубликована «Глобальная стратегия правительства США в области безопасности здравоохранения»⁶, действие ко-

³ The Global Strategy of the U.S. Department of Health and Human Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/hhs-global-strategy.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁵ The Global Strategy of the U.S. Department of Health and Human Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/hhs-global-strategy.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁶ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс].

торой рассчитано на пять лет. Ранее американскими властями были подготовлены «Национальная стратегия биологической защиты»⁷ и «Национальная стратегия безопасности в сфере здравоохранения на 2023–2026 гг.»⁸. Повышенное внимание со стороны властей США к межгосударственным отношениям в области здравоохранения стало одним из последствий пандемии COVID-19. Соединённые Штаты, несмотря на беспрецедентные возможности, показали не самую успешную модель борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции, обеспечения собственного населения необходимыми средствами защиты, лекарствами и вакцинами.

В Глобальной стратегии в области безопасности здравоохранения указано, что в период с 2021 по 2024 гг. США более чем в два раза увеличили объём партнёрских отношений с другими государствами⁹. В 2024 финансовом году финансирование международных инициатив в сфере здравоохранения в мировом масштабе со стороны США составило 12,3 млрд долларов США. 85% американской помощи на двусторонней основе оказывается африканским государствам, расположенным к югу от Сахары [34].

Следует отметить, что на сферу здравоохранения в полной мере распространяется традиционный для США подход, заключающийся в том, что безопасность государства обеспечивается на подступах к его границам. Это является основой для активного участия Соединённых Штатов в межгосударственном сотрудничестве в области здравоохранения.

Большая часть контактов США с зарубежными партнёрами приходится на двусторонние отношения. Многосторонние и наднациональные форматы играют, скорее, вспомогательную роль [30]. В 2024 финансовом году около 80% глобального бюджета здравоохранения США было выделено в рамках двусто-

URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁷ National biodefense strategy and implementation plan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Biodefense-Strategy-and-Implementation-Plan-Final.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁸ National Health Security Strategy 2023–2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://aspr.hhs.gov/NHSS/National-Health-Security-Strategy-2023-2026/Documents/nhss-2023-2026-508.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁹ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

ронных программ. Остальная часть (около 20%) предоставляет на многосторонней основе за счёт взносов США в международные учреждения и организации. При этом США призывают активнее использовать существующие механизмы, такие как Фонд борьбы с пандемией, G7 и G20, а также международные финансовые институты [34].

В настоящее время в экспертной среде дискуссионным остаётся вопрос, насколько новая администрация избранного президента Д. Трампа проявит преемственность в вопросах межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения [28].

Наряду с США одним из лидеров современного межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения является *Китайская Народная Республика*.

Повышенное внимание китайских властей стало уделяться вопросам межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения с 2003 г., когда государство столкнулось с необходимостью бороться со вспышкой атипичной пневмонии. За последующие два десятилетия Китай постепенно превратился в незаменимого игрока в глобальном здравоохранении [33].

Экономический и промышленный потенциал, огромная численность населения, эпидемиологическая история – всё это легло в основу современной политики КНР в сфере медицинского сотрудничества. Китай фактически является глобальным лидером в производстве средств индивидуальной защиты, а также на долю КНР приходится практически 100% общемирового производства активных фармацевтических ингредиентов, что ставит фармацевтическую промышленность других государств в зависимость от китайских поставок [33].

Одним из ключевых направлений современной внешнеполитической деятельности Китая в сфере здравоохранения является инициатива «Шёлковый путь здоровья», которая дополнила глобальный проект КНР «Один пояс, один путь». Эксперты отмечают, что именно с запуска проекта «Шёлковый путь здоровья» можно говорить о начале продуманной, централизованной политики Китая в области межгосударственного сотрудничества в сфере здравоохранения. Пандемия новой коронавирусной инфекции придала дополнительный импульс внешнеполитической активности Китая в медицинской сфере [35].

В отличие от США, китайская политика в области здравоохранения в большей степени ориентирована на многосторонние фор-

маты на региональном и глобальном уровнях, однако двусторонние формы взаимодействия также активно используются.

Приверженность многосторонним форматам выражается в развитии инициативы «Шёлковый путь здоровья», а также в активизации диалога между Китаем и Всемирной организацией здравоохранения. Однако следует отметить, что, несмотря на то, что финансовый вклад Китая в деятельность ВОЗ увеличился, доля КНР невелика по сравнению со взносами западных государств и негосударственных доноров [33].

Приоритетными направлениями для Китая являются Африка и Латинская Америка, хотя КНР взаимодействует в области здравоохранения в разных формах практически со всеми регионами мира. Финансовая помощь сектору здравоохранения в африканских странах со стороны КНР увеличилась с 1,54 млрд долл. США в 2004–2008 гг. до 3,8 млрд долл. США в 2009–2013 гг., при этом большая часть средств направлялась на создание инфраструктуры, закупку оборудования, обеспечение работы медицинских бригад и обучение медицинского персонала. С 2010 по 2012 гг. почти 52% иностранной помощи Китая направлялось в Африку [32].

Китай придерживается принципа, что помощь в области здравоохранения должна предоставляться без условий, однако Пекин неоднократно обвиняли в том, что медицинская помощь используется в интересах «мягкой силы» для продвижения политических и экономических интересов КНР [33].

В отличие от США, предпочитающих вертикальные форматы межгосударственного взаимодействия в области здравоохранения, для КНР характерна приверженность горизонтальным формам сотрудничества, таким как обмен медицинским персоналом и информацией, строительство медицинских учреждений, обучение медицинского персонала [32].

В последние годы активным участником межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения становится Индия.

Индийская внешняя политика в области здравоохранения, так же как и китайская, основывается на уникальных промышленных возможностях страны. Если Китай является фактическим монополистом в производстве активных фармацевтических ингредиентов, на долю Индии приходится значительная доля в общемировом выпуске дженериков и вакцин. Около 20% мирового экспорта дженериков приходится на Индию, а

доля страны на рынке вакцин в развивающихся странах составляет более 80%. Фармацевтический сектор Индии оценивается примерно в 50 млрд долл. США и занимает 3-е место в мире по объёму и 14-е по величине стоимости¹⁰.

Помимо промышленных возможностей, Индия динамично развивает свой научный потенциал. Наряду с Китаем особое внимание Индия уделяет продвижению своей традиционной медицины в глобальном масштабе.

Несмотря на то, что научные разработки в фармацевтической сфере являются дорогостоящими, в период пандемии новой коронавирусной инфекции Индия наряду с ЮАР выступала за временный отказ от действия нескольких разделов Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в отношении продуктов и технологий, призванных бороться с COVID-19.

Политика Индии в области здравоохранения направлена прежде всего на государства «глобального Юга», хотя развитые страны Европы, а также США являются важными партнёрами¹¹.

В целом эксперты отмечают, что межгосударственное взаимодействие в области здравоохранения в последние годы стало одним из приоритетных направлений внешней политики Индии, динамично развивающимся и после завершения пандемии новой коронавирусной инфекции.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современных реалиях США, КНР и Индия повышенное внимание уделяют своей межгосударственной политике в области здравоохранения. США предпочитают развивать двусторонние связи с зарубежными партнёрами, в то время как Китай и Индия активно участвуют в многосторонних форматах сотрудничества. При выстраивании своей политики КНР

¹⁰ EU-India cooperation on health U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024); URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA\(2023\)747918_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA(2023)747918_EN.pdf) (дата обращения: 23.11.2024).

¹¹ EU-India cooperation on health U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024); URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA\(2023\)747918_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA(2023)747918_EN.pdf) (дата обращения: 23.11.2024).

и Индия опираются на уникальный потенциал в области фармацевтической промышленности, а также на свою традиционную медицину, в то время как США используют свой экономический потенциал. Опора на национальные научные разработки характерна для всех трёх государств, хотя Индия параллельно охотно предоставляет свои промышленные мощности для производства по зарубежным технологиям.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Алексеев Р. А.

Предметом нашего сравнительного исследования является развитие политических систем Молдовы и Украины, т. е. тех стран, в которых после распада Советского Союза партийная элита сумела сохранить свою власть в конкурентной борьбе с националистическими силами, опирающимися на поддержку определённой части общества [3; 25].

Конституция *Молдавии* была принята в июле 1994 г., до этого момента действовала Конституция Молдавской ССР 1978 г. с внесёнными в неё поправками и дополнениями, характеризующими произошедшие в стране изменения, отразившиеся на её государственном устройстве. В соответствии с новой конституцией Молдова стала парламентской республикой, политическая система которой функционирует на основе тройственного разделения властей, идеологического многообразия и политического плюрализма, стремящейся к построению социального государства со стремительно развивающейся рыночной экономикой¹².

Центральным политическим институтом в аппарате публичной власти страны становится парламент, что подтверждается конституционным положением, закреплённым в четвёртой главе Конституции, которая идёт впереди главы, посвящённой главе государства. Парламент Молдовы является однопалатным, выступает в качестве законодательного органа власти, состоящего из 101 парламентария, избираемых путём прямых выборов на четырёхлетний период в соответствии с пропор-

¹² См.: Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.10.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30390931 (дата обращения: 10.11.2024).

циональной системой. Неоднократно менялся избирательный барьер, необходимый для попадания партий в парламент страны, вплоть до 2008 г. он составлял всего 4%, тогда как в период с 2008 по 2009 гг. он повышался до 6%, затем понизился сначала до пяти, а с 2010 г. снова до четырёх процентов. За легислатурой Молдавской республики закрепляется большой спектр властно-управленческих функций: определение базовых направлений внешней и внутренней политики, введение военного, осадного и чрезвычайного положений, утверждение военной доктрины и ряд иных полномочий, которые, как правило, реализуются президентом, что наглядно демонстрирует конституционное положение о парламентской модели государственного устройства страны.

Президент Молдавской республики в соответствии с конституционными предписаниями выступает в качестве главы государства, отвечающего за единство государства и сохранение его территориальной целостности, гарантирует соблюдение его национальных интересов и госсuverенитета. На основании первой редакции Конституции страны глава государства вплоть до 2000 г. избирался на всенародных выборах [19, с. 138], однако после конституционных преобразований президент стал избираться квалифицированным большинством голосов (т. е. 3/5 депутатов) молдавских парламентариев. В случае, если ни один из претендентов на президентский пост не получал необходимого количества депутатских голосов, проводились второй и последующие туры голосования парламентариев вплоть до установленного в Конституции кворума голосов.

Данная избирательная практика главы молдавского государства просуществовала до весны 2016 г., когда были внесены поправки в Основной закон о признании подобной практики неконституционной. Это произошло после нескольких парламентских запросов о толковании положения, закреплённого в ст. 78 Основного закона страны, в Конституционный суд Молдавской республики. Президент стал избираться сроком на четыре года путём волеизъявления граждан при условии, что зарегистрированные кандидаты обладают пассивным избирательным правом, достигли возраста 40 лет, владеют государственным языком и не менее десяти лет проживают на территории Молдовы. Выборы проводятся с использованием мажоритарной системы абсолютного большинства голосов,

при необходимости может проводиться второй тур голосования, а результаты голосования должны быть признаны Конституционным судом.

Исполнительная власть в стране представлена правительством, которое формируется после консультаций с парламентским большинством главой государства. Данный политический институт отвечает за реализацию на практике внешней и внутренней политики и за руководство публичным управлением. Легислатура может оказать воздействие на правительство через вотум недоверия данной инстанции как в целом, так и в отношении отдельных членов кабинета.

Исходя из анализа конституционных реформ, проводящихся в стране в период с 2000 по 2016 гг., приходим к выводу о смешанном характере формы правления (парламентско-президентской), основанной на паритетном распределении властных полномочий между парламентом и президентом [5]. Несмотря на конституционные преобразования о введении прямых выборов ключевого властного актора (президента) и возврате системы пропорционального представительства на парламентских выборах, что способствует формированию многопартийной системы, с одной стороны, но приводит к частым правительственным и парламентским кризисам, с другой стороны, мы видим, что политическая система страны по-прежнему является нестабильной и находится в поиске идеальной для себя модели государственного устройства.

На *Украине* с 1989 по 1995 гг. продолжала действовать Конституция Украинской ССР, в текст которой было внесено большое количество поправок с целью реципирования западного опыта. По инициативе главы государства Л. Кучмы и спикера украинского парламента А. Мороза летом 1995 г. был подписан конституционный договор, который дополнял положения действующей на тот момент Конституции вплоть до принятия нового Основного закона. Подготовка проекта новой украинской Конституции началась сразу после провозглашения её независимости и создания парламентской комиссии, подготовившей проект, утверждённый Верховной Радой 28 июня 1996 г. [26, с. 44]. Конституцией Украины были закреплены основные права и свободы человека и гражданина, национальных меньшинств, основы многопартийной конкурентной политической системы и ряд иных демократических новаций¹³.

¹³ См.: Конституция Украины от 28.06.1996 №254к/96-ВР (с изменениями и до-

В украинскую конституцию неоднократно вносились поправки в период президентства Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича, П. Порошенко и В. Зеленского. Так, в 2000 г. стартовала кампания по конституционным преобразованиям, направленным на ослабление легислатуры и сокращение её полномочий в пользу президента Украины. Попытка реализации конституционной реформы 2007–2009 гг., проводимая прозападно ориентированным В. Ющенко, направленная на т. н. системное обновление Конституции, не нашла поддержки ни в элитарных кругах, ни в обществе. Тогда как конституционные преобразования 2004 г. (ставящие перед собой задачу превращения страны в парламентскую республику) и 2010 гг. (по отмене конституционных поправок 2004 г.) воздействовали на трансформацию политического режима Украины. Последующие за этим преобразования 2011 г. вызвали новый виток конституционных реформ, инициированный избранным на президентский пост В. Януковичем, результаты которых сохранились вплоть до очередных президентских выборов 2014 г. [15].

По инициативе действующего на тот момент президента П. Порошенко в 2015 г. были предложены поправки в Основной закон Украины, направленные на внедрение в стране новой системы территориальной организации публичной власти (т. е. на её децентрализацию). Данные поправки могли в будущем, по мнению ряда экспертов, способствовать приобретению ЛНР и ДНР особого статуса в составе Украины, но возможность федерализации страны напугала украинских националистов. Данный законопроект был принят лишь в первом чтении в Верховной Раде, тогда как во втором чтении против его принятия выступил ряд парламентских партий: Радикальная партия (под руководством О. Ляшко), Объединения «Свобода» и «Самопомощь», — что помешало внесению поправок в украинскую Конституцию.

По инициативе П. Порошенко в преамбулу украинской Конституции в 2018 г. вносятся поправки о «необратимости евроатлантического и европейского курса» и евроидентичности украинского народа, в соответствии с которыми президент наделяется полномочиями гаранта на реализацию внешнеполитического курса страны на вступление в ЕС и НАТО. После избрания в 2019 г. на пост главы государства В. Зеленского в

полнениями по состоянию на 03.09.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155 (дата обращения: 10.11.2024).

ходе дальнейших конституционных преобразований наметился крен в сторону увеличения президентских полномочий, к числу которых можно отнести полномочия в области кадровой госполитики (назначение и отстранение от занимаемых должностей директоров Национального антикоррупционного бюро и Государственного бюро расследований). На основании проанализированных конституционных реформ, как одобренных, так и отклонённых украинским парламентом, приходим к выводу о нестабильности политической системы Украины в течение последнего двадцатилетия.

В соответствии с действующей редакцией Конституции Украины президент является не только главой государства и гарантом прав и свобод граждан страны, но и гарантом территориальной целостности, действующим от имени государства. Избрание президента осуществляется сроком на пять лет избирабельным корпусом страны, одно лицо не может занимать высший пост в государстве более двух сроков. Очередные президентские выборы на Украине в соответствии с конституционными предписаниями должны были проводиться весной 2024 г., однако их сроки были перенесены на неопределённый период действующим на тот момент президентом под предлогом действующего на территории страны военного положения (хотя положение об отмене выборов главы государства в случае введения военного положения отсутствует в тексте украинской Конституции, такие ограничения действуют только в отношении выборов в Верховную Раду). Среди требований, необходимых для занятия президентского поста на Украине, устанавливаются возрастные ограничения (достижение 35-летнего возраста), постоянное проживание на территории страны (не менее 10 лет непосредственно до проведения выборов) и владение государственным языком (т. е. украинским).

За реализацию законодательной власти в стране отвечает Верховная Рада (состоящая из 450 депутатов), парламентарии которой избираются прямыми выборами на пятилетний срок. Из-за возникшего осенью 2014 г. в стране политического кризиса (получившего название второго майдана) президент В. Янукович в обход конституционных предписаний был отстранён от занимаемой должности. Конституционный суд Украины принимает решение о проведении досрочных выборов в Раду и восстановлении действия положений Основного закона (редакция, действовавшая до конституционных изме-

нений 2004 г.), в соответствии с которой Украина позиционировала себя как смешанную (парламентско-президентскую) республику [1, с. 175].

Исполнительная власть в стране представлена Кабинетом министров Украины, за процесс формирования которого отвечают Верховная Рада и президент. Премьер-министра (т. е. главу Кабмина) по представлению главы государства назначает Рада, он несёт ответственность перед двумя сформировавшими его политическими институтами, что характерно для стран со смешанной моделью правления. В то же время вопрос об отставке Кабинета министров и формировании его нового состава является исключительно прерогативой парламента (Верховной Рады). В соответствии с действующей редакцией Конституции Украина продолжает «де-юре» оставаться смешанной республикой, однако в случае продавливания в Раде целого «пакета конституционных преобразований» со стороны В. Зеленского страна может со временем трансформироваться в президентскую республику.

Проанализировав конституционные преобразования на территории двух постсоветских государств (Молдовы и Украины), можно прийти к выводу о частой смене моделей формы правления, от парламентской к парламентско-президентской и наоборот, что вызвано как внутренней нестабильностью в политических системах рассматриваемых стран, так и копированием (без учёта национальной специфики) западных моделей, которые не являются универсальными для всех государств мирового сообщества.

ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ В РОССИИ И НА УКРАИНЕ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Осипова Н. А.

В политической компаративистике достаточно активно обсуждается тема институционализации лоббизма – важного и неотъемлемого процесса оказания давления на субъект принятия решения для достижения целей заказчика. Одними из действующих лиц, занимающихся лоббированием в прямых или косвенных формах, являются группы давления [7; 22].

Актуальность темы влияния групп давления на политические процессы на Украине и в России обусловлена рядом факторов. Во-первых, группы давления играют важную роль в

формировании политических решений и влияют на ход политических процессов в обеих странах. Во-вторых, группы давления оказывают влияние на стабильность политической системы, а также на взаимодействие государств на международной арене. В-третьих, лобби могут влиять на формирование общественного мнения, что крайне важно для поддержания уровня легитимности власти.

Для понимания специфики функционирования групп давления важно учитывать их разновидности. В своей работе «Типологизация групп интересов в современной политической науке» политологи Е. В. Мамонтова и О. О. Бондаренко выделяют два типа групп интересов: институциональные и анемичные [16]. В основе типологии лежат характер внутренней организации и широта лоббируемых целей.

Институциональные группы хорошо организованы и представляют собой формальные объединения с чёткой структурой, определёнными функциями и профессиональным кадровым составом. Они действуют целенаправленно и эффективно, имея широкий спектр целей, выходящих за рамки простого представительства интересов. Примерами таких групп могут служить различные профессиональные союзы. На Украине одним из наиболее крупных профсоюзов является «Федерация профсоюзов Украины»¹⁴, в России – «Федерация независимых профсоюзов России»¹⁵, которые занимаются защитой трудовых и социально-экономических прав и гарантий трудящихся.

Анемичные группы, напротив, возникают спонтанно как реакция на определённую ситуацию. Они не имеют чёткой и стабильной структуры, которая постоянно меняется и может создаваться заново, не наследуя черт предыдущих форм. У членов таких групп также нет организованных действий от имени всей группы. Недостаточная структурированность значительно снижает эффективность и способствует возникновению конфликтов внутри группы, где постоянно присутствует стремление к доминированию с применением силы. Примерами таких групп могут служить митингующие и бастующие.

Достаточно широко распространена в политической науке классификация французского социолога М. Дюверже, который выделяет такие группы давления, как массовые и традицион-

¹⁴ Федерация професійних спілок України [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpsu.org.ua> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ Федерация независимых профсоюзов России [Электронный ресурс]. URL: <https://fnpr.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

ные, продолжая логику своего же деления политических партий на массовые и кадровые [29]. В основе данной классификации лежит принцип численности и характера организации. Массовые группы давления многочисленны и имеют чёткую иерархическую структуру. Они стремятся объединить как можно больше людей, потому что сила группы зависит от её размера. К таким группам можно отнести уже упомянутые в предыдущей классификации институциональные группы, а именно: профсоюзы, объединения бизнеса в России и на Украине.

Традиционные группы, или элитарные, немногочисленны, потому что их члены представляют собой небольшую привилегированную прослойку общества. Они стремятся не к количеству, а к качеству членов, т. е. к их влиянию. Примерами таких групп могут служить элитные бизнес-клубы, союзы руководителей предприятий и университетские кружки.

Политолог О. Турчинов особое внимание уделяет финансово-промышленным группам, которые играют важную роль в политических процессах Украины. Чаще всего их появление связано со сращиванием бизнеса и политики, а потому в их состав могут входить как субъекты экономической деятельности, так и структуры криминального мира. В классификации О. Турчинова важны принципы территориального представительства и политической направленности. Исходя из этого, автор использует деление групп давления на центральные, региональные, отраслевые и иностранно-ориентированные [24].

Исследователь лобби и их трансформации в России Н. Абрадушкина предложила альтернативную классификацию групп давления с учётом 12 показателей и разных степеней градации. Политолог выделяет группы: 1) стабильные и непостоянные; 2) имеющие лобби и без таковых; 3) обязательные и факультативные; 4) институциональные и неинституциональные; 5) манипулирующие и игнорирующие общественное мнение; 6) легальные и криминальные; 7) легитимные и нелегитимные; 8) многочисленные и малочисленные; 9) закрытые и открытые для вхождения; 10) закрытые и открытые для контроля; 11) региональные и общенационального уровня; 12) стабилизирующие и дестабилизирующие [2].

Завершая обзор концепций, следует упомянуть и канадского теоретика Г. Скиллинга, выделявшего несколько видов групп давления в зависимости от основания их объединения и силы влияния: 1) правящие элиты – группы, которые оказыва-

ют наибольшее влияние на принятие решений; 2) официальные лица – представители, наделённые формальным статусом; 3) бюрократические структуры – организации, сформированные в системе власти; 4) интеллектуальные сообщества – объединения людей, разделяющих определённые доктрины; 5) социальные группы – сообщества граждан; 6) группы общественного мнения – объединения людей, выражающие определённые взгляды и позиции [36].

Проанализировав современные классификации групп интересов и давления, автор считает особенно важным учитывать принцип деления в зависимости от сферы деятельности. Опираясь на него, можно выделить профессиональные ассоциации, социальные движения, бизнес-структуры, религиозные общины, политические партии.

Кейсом эффективной деятельности профессиональной организации можно считать НГО «Национальное газовое общество Украины», которое участвовало в лоббировании тарифных предпочтений украинским промышленным предприятиям. «Союз нефтепромышленников России» активно продавливает увеличение государственного финансирования в профильное образование в условиях новых рисков для России.

Примером успешных социальных движений на Украине может послужить деятельность НГО «Екодія». Данная организация при поддержке международной коалиции неправительственных организаций, правительств и компаний, известной как «Powering Past Coal Alliance», активно продвигает идею отказа от использования угля в энергетике в пользу возобновляемых источников¹⁶. В России результатом экологического лоббизма можно считать перенос нефтяного трубопровода от озера Байкал на север, ставший результатом длительных обсуждений и протестов экологических организаций: Greenpeace и WWF¹⁷ (Всемирный фонд дикой природы) и т. п. [23].

Лоббизм бизнес-сообществ может быть проанализирован на примере деятельности торгово-промышленных палат, одним из основных направлений работы которых является продвижение интересов национального бизнеса как внутри страны, так и за рубежом. Например, президент ТПП России С. Ка-

¹⁶ Екодія. Що може запропонувати українським вугільним громадам Powering Past Coal Alliance? [Электронный ресурс]. URL: <https://ecoaction.org.ua/powering-past-coal-alliance.html> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁷ Greenpeace и WWF признаны нежелательными организациями на территории РФ (прим. ред.).

тырин регулярно принимает участие в комиссии Госсовета РФ по разным направлениям, таким как государственная поддержка национальных проектов «Промышленное обеспечение транспортной мобильности» и «Средства производства и автоматизации», вошедших в блок нацпроектов по обеспечению технологического лидерства¹⁸. Торгово-промышленная палата Украины активно способствует и лоббирует интересы украинских предпринимателей в ЕС и даже создала для этих целей отдельное подразделение – Европейский офис ТПП Украины¹⁹.

Все приведённые классификации освещают разные аспекты лоббизма и способствуют более глубокому анализу специфики его институционализации в разных странах. Стоит учитывать, что группы давления – сложный объект для изучения, так как они находятся в непрерывной динамике, а соответственно, их структура и способы деятельности могут меняться. При этом стоит отметить, что в целом в политической науке существует проблема недостаточного внимания к промежуточным формам групп давления, степени их организации и интеракции с другими элементами политической системы.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Поднятые в ходе обсуждения вопросы методологии, методики и техники сравнительных исследований, а также анализ разворачивающихся конкретных политических процессов и трансформирующихся политических институтов представляются (каждый по-своему) важными.

Очевидно, что сегодня политическая компаративистика России находится в состоянии мучительного поиска ответов на вопросы. Прежняя, преимущественно западная, методология оказывается малоэффективной, особенно в отношении исследования политической динамики. Одномерная модель политического развития, предполагающая измерение прогресса демократизации, свободы средств массовой информации и т. п., вступает в противоречие с реальностью, демонстрирует

¹⁸ Сергей Катырин принял участие в заседании комиссии Госсовета РФ по направлению «Промышленность» // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/6092876> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁹ Торгово-промышленная палата Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://ucci.org.ua/advocacy/evropeiskii-ofis-pri-tpu-ukrayini> (дата обращения: 19.10.2024).

свою неэффективность и ангажированность. Однако предложить альтернативу пока довольно сложно.

В этой связи высказанная в ходе данного круглого стола идея о применимости в политической компаративистике цивилизационного подхода, предполагающего изучение социальных общностей, живущих по своим законам и в своём темпоритме, представляется довольно продуктивной. По крайней мере здесь не возникает вопроса о развитых, недоразвитых и неразвитых странах. Но методология цивилизационно-культурного анализа порождает иной вопрос: как возможно такое сравнение.

А пока ответа на этот вопрос не сформулировано, можно ограничиться анализом конкретных ситуаций, важность изучения которых для политической компаративистики также довольно значительна. Как представляется, отчёты о проделанных коллегами сравнительных исследованиях создают базу для будущих научных обобщений, концептов и теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрадова Е. С. Формирование новой украинской идентичности в постмайданный период (2014–2018 гг.) // Власть. 2018. Т. 26. №5. С. 174–176.
2. Абрадушкина Н. Ю. Группы давления в трансформации политической власти в России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 166 с.
3. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. №3. С. 54–65.
4. Актуальные вопросы политической компаративистики в России / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Популях, Сунь Чжици [Электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.10.2024).
5. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №4. С. 73–86.
6. Василенко И. А. Политическая философия. М.: Гардарики, 2004. 240 с.

7. Войтенко Э. М., Порфенчикова А. А. Лоббизм и GR: понятия, функции, инструменты. М.: Альпина PRO, 2023. 340 с.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
9. Емельянова Н. Н., Летняков Д. Э., Лисицкий А. В. Сколько на Земле цивилизаций? Универсализм vs мультицивилизационный подход // Человек. 2018. №4. С. 94–109.
10. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 2001. 576 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. 446 с.
12. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1880. 73 с.
13. Ковалевский М. М. Очерки происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896. 171 с.
14. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
15. Лазарева М. Н. Стабильность и динамизм Конституции Украины [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2014. №4. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 07.10.2024).
16. Мамонтова Е. В., Бондаренко О. О. Типологизация групп интересов в современной политической науке // Web of Scholar. 2018. Т. 5. №1. С. 45–52.
17. Моргачёва Е. Н. Сравнительно-исторический метод: обзор подходов к классификации в общественных науках // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. №2. С. 102–114.
18. Мэйр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 309–329.
19. Нечаева-Юрийчук Н. В. Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости // Русин. 2010. №4. С. 136–144.
20. Смыслы Современности и модернизации на Востоке / Н. Н. Емельянова // Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост., отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Наука: Восточная литература, 2022. С. 317–326.
21. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
22. Толстых П. А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть 1) // Исторические, философские, поли-

тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №1. С. 175–191.

23. Трапездников О. В. Практики экологического лоббизма в современной России // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №5. С. 1425–1435.
24. Турчинов О. Особливості української олігархії // Політична думка. 2000. №3. С. 127–133.
25. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №3. С. 3–15.
26. Хабриева Т. Я. Конституционная модернизация в странах СНГ: новые тенденции // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. №1. С. 40–49.
27. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М.: Издательство политической литературы, 1982. 240 с.
28. Akpan N. "Compelled by Our Fears": RFK Jr. and Vaccine Doubt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/compelled-our-fears-rfk-jr-and-vaccine-doubt> (дата обращения: 23.10.2024).
29. Duverger M. Party Politics and Pressure Groups. A Comparative Introduction. New York: Crowell, 1972. 168 p.
30. Fidler D. P. The New U.S. Strategy on Global Health Security [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/new-us-strategy-global-health-security> (дата обращения: 23.10.2024).
31. Inoguchi T. Political Theory // International Encyclopedia of Political Science. 2011. №6. P. 2050–2063.
32. Killeen O. J., Davis A., Tucker J. D., et al. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges [Электронный ресурс] // Global Health Governance. 2018. №12. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6447313/pdf/nihms-1011045.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).
33. Lo C., van de Pas R. China's Global Health Diplomacy Possibilities and limitations for cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/143732052/China_Global_Health_Diplomacy.pdf (дата обращения: 23.10.2024).
34. Oum S., Moss K., Kates J. The U.S. Government and Global Health [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kff.org/health-policy/101-the-u-s-government-and-global-health/?entry=table-of-contents-introduction> (дата обращения: 23.10.2024).

35. Rudolf M. China's global health diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.fes.de/news/chinas-global-health-diplomacy.html> (дата обращения: 23.10.2024).
36. Skilling H. G. Interest Groups and Communist Politics Revisited // World Politics. 1983. Vol. 36. №1. P. 1–27.
37. Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.

ARTICLE INFORMATION

Andrey V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of comparative politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Roman A. Alekseev

- e-mail: alekseev.r555@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of public policy, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Nina S. Bychkova

- e-mail: nsbychkova@mail.ru,
specialist in educational and methodological work,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Dmitryi A. Ezhov

- e-mail: president@lenta.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of Political Science, Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Natalya N. Emelyanova

- e-mail: nemelyanova86@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Senior Researcher,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Natalya A. Osipova

- e-mail: 080862@bk.ru,
Postgraduate student, Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Abramov A. V., Alekseev R. A., Bychkova N. S., Ezhov D. A., Emelyanova N. N., Osipova N. N. Topical issues of political comparative studies in Russia (II). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify controversial issues in contemporary comparative political science and present to the scientific community mini-studies on some of the controversial issues in political comparative studies.

Methodology. During the continuation of the round table (the beginning was published in No. 3 2024), held at Moscow University with the support of the Russian Social and Humanitarian Journal, topical issues of the methodology of political comparative studies were discussed (opportunities of the civilizational paradigm in conducting cross-cultural and cross-national political studies, use of the comparative historical method in political comparative studies), and the results of a comparative analysis of modern political institutions and processes in some countries of the near and far abroad were presented.

Results. It has been established that the most promising field for comparative political science is the use of the civilizational approach as a methodology of comparative studies, as well as the use of qualitative methods of scientific research. Of greatest interest for comparative analysis are the 2024 elections in European countries, the interstate policy of China, the USA and India in the field of health care, as well as political processes and institutions in post-Soviet countries.

Research implications. The results of the study may be of interest to political scientists specializing in the field of political comparative studies, theory and methodology, and the study of international relations.

Keywords

comparative political science, comparative studies, civilizational approach, comparative historical method, elections, international health policy, post-Soviet countries, lobbying

References

1. Abradova E. S. [Formation of a New Ukrainian Identity in the Post-Maidan Period (2014–2018)]. In: *Vlast'* [Authority], 2018, vol. 26, no. 5, pp. 174–176.
2. Abradushkina N. Yu. *Gruppydavleniya v transformacii politicheskoy vlasti v Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [Pressure groups in the transformation of political power in Russia: Cand. Sci thesis in Political sciences]. Moscow, 2000. 166 p.
3. Abramov A. V., Alekseev R. A. [Towards an assessment of the trajectories of transformations of post-Soviet political systems]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 54–65.
4. Abramov A. V., Kapytsyn V. M., Kokurina O. Yu., et al. [Current issues of political comparative studies in Russia]. In: *Rossiiskij social'no-gumanitarnyj zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2024, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 02.10.2024).
5. Alekseev R. A., Abramov A. V. [Constitutional and legal design of post-Soviet political systems: a comparative analysis]. In: *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* [North Caucasian Legal Herald], 2022, no. 4, pp. 73–86.
6. Vasilenko I. A. *Politicheskaya filosofiya* [Political philosophy]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 240 p.
7. Voitenko E. M., Porfenchikova A. A. *Lobbizm i GR: ponyatiya, funkcii, instrumenty* [Lobbying and GR: concepts, functions, tools]. Moscow, Alpina PRO Publ., 2023. 340 p.
8. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
9. Emelyanova N. N., Letnykov D. E., Lisitskiy A. V. [How Many Civilizations Are There on the Earth? Universalism vs Multi-Civilizational Approach]. In: *Chelovek* [Human], 2018, no. 4, pp. 94–109.
10. Osipov G. V., ed. *Istoriya sociologii v Zapadnoj Evrope i SShA* [History of Sociology in Western Europe and the USA]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 576 p.
11. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 446 p.

12. Kovalevsky M. M. *Istoriko-sravnitel'nyj metod v yurisprudencii i problemy izucheniya istorii prava* [Historical-comparative method in jurisprudence and problems of studying the history of law]. Moscow, Tipografiya F. B. Millera Publ., 1800. 73 p.
13. Kovalevsky M. M. *Ocherki proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti* [Essays on the Origin and Development of the Family and Property]. St. Petersburg, 1896. 171 p.
14. Kovalchenko I. D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.
15. Lazareva M. N. [Stability and dynamism of the Constitution of Ukraine]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Contemporary research in social problems], 2014, no. 4. Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed: 07.10.2024).
16. Mamontova E. V., Bondarenko O. O. [Typology of interest groups in modern political science]. In: *Web of Scholar*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 45–52.
17. Morgacheva E. N. [Comparative-historical method: a review of approaches to classification in the social sciences]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2016, no. 2, pp. 102–114.
18. Meir P. [Comparative Politics: General Problems]. In: Gudin R., Klingemann H.-D., eds. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political Science: New Directions]. Moscow, Veche Publ., 1999, pp. 309–329.
19. Nechaeva-Yuriichuk N. V. [Peculiarities of the formation of Moldovan statehood after gaining independence]. In: *Rusin* [Rusin], 2010, no. 4, pp. 136–144.
20. Emelyanova N. N. [The Meanings of Modernity and Modernization in the East]. In: Stepanyants M. T., ed. *Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noj k mezhekul'turnoj filosofii* [Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2022, pp. 317–326.
21. Toynbee A. J. A Study of History (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*). Moscow, Rolf Publ., 2001. 640 p.).
22. Tolstykh P. A. [Group Theory and Lobbying Theory: The Relationship of Scientific Concepts (Part 1)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues], 2013, no. 1, pp. 175–191.
23. Trapeznikov O. V. [Environmental lobbying practices in modern Russia]. In: *Voprosy politologii* [Questions of political science], 2021, vol. 11, no. 5, pp. 1425–1435.

24. Turchinov O. [Features of the Ukrainian oligarchs]. In: *Politichna dumka* [Political opinion], 2000, no. 3, pp. 127–133.
25. Fedorchenko S. N. [Formation of New Identities in the Post-Soviet Space: Between the Real and Digital Worlds]. In: *Zhurnal politicheskij issledovanij* [Journal of Political Studies], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 3–15.
26. Khabrieva T. Ya. [Constitutional Modernization in the CIS Countries: New Trends]. In: *Vestnik rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 88, no. 1, pp. 40–49.
27. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva v svyazi s issledovaniyami L. G. Morgana* [The Origin of the Family, Private Property and the State in Relation to the Researches of L. G. Morgan]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1982. 240 p.
28. Akpan N. "Compelled by Our Fears": RFK Jr. and Vaccine Doubt. Available at: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/compelled-our-fears-rfk-jr-and-vaccine-doubt> (accessed: 23.10.2024).
29. Duverger M. *Party Politics and Pressure Groups. A Comparative Introduction*. New York, Crowell, 1972. 168 p.
30. Fidler D. P. The New U.S. Strategy on Global Health Security. Available at: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/new-us-strategy-global-health-security> (accessed: 23.10.2024).
31. Inoguchi T. Political Theory. In: *International Encyclopedia of Political Science*, 2011, no. 6, pp. 2050–2063.
32. Killeen O. J., Davis A., Tucker J. D., et al. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges. In: *Global Health Governance*, 2018, no. 12. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6447313/pdf/nihms-1011045.pdf> (accessed: 23.10.2024).
33. Lo C., van de Pas R. China's Global Health Diplomacy Possibilities and limitations for cooperation. Available at: https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/143732052/China_Global_Health_Diplomacy.pdf (accessed: 23.10.2024).
34. Oum S., Moss K., Kates J. The U.S. Government and Global Health. Available at: <https://www.kff.org/health-policy/101-the-u-s-government-and-global-health/?entry=table-of-contents-introduction> (accessed: 23.10.2024).
35. Rudolf M. China's global health diplomacy. Available at: <https://asia.fes.de/news/chinas-global-health-diplomacy.html> (accessed: 23.10.2024).
36. Skilling H. G. Interest Groups and Communist Politics Revisited. In: *World Politics*, 1983, vol. 36, no. 1, pp. 1–27.
37. Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York, Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.